

ИСЛАМИСТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В ЕВРОПЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2019 г. А. Яшлавский

*ЯШЛАВСКИЙ Андрей Эдуардович, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (dosier@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 15.01.2019.

В 2010-х годах Европа столкнулась с волной террористических актов, проведенных экстремистами исламистско-джихадистского толка (при этом критически важным фактором данного феномена становится выход на авансцену террористической группировки ИГИЛ). Тревожным признаком является рекрутирование террористами в ряды своих сторонников представителей европейской молодежи (прежде всего иммигрантского происхождения), которые оказываются главным объектом умелой пропаганды радикалов. Есть основания полагать, что террористическая угроза со стороны исламистов джихадистского толка будет существенной и крайне опасной для европейских стран в обозримом будущем.

Ключевые слова: терроризм, Европа, ЕС, Евросоюз, ислам, мусульмане, миграция, иммигранты, экстремизм, джихадизм, исламизм, ИГИЛ, ИГ, “Исламское государство”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-93-101

Террористическая угроза — один из самых значительных вызовов в сфере безопасности, с которыми сталкивается современная Европа. Причем следует заметить, что терроризм является беспоящим фактором на европейском континенте на протяжении целого ряда десятилетий. Однако до определенного момента странам Европы приходилось сталкиваться с террористическими актами, которые осуществлялись во имя различных идеологий, а теракты, подготовленные сторонниками крайне радикального прочтения ислама, являются во многом новым феноменом, который несет в себе огромный разрушительный потенциал, угрожая не только безопасности, не только жизням и здоровью европейцев, но также и европейской инфраструктуре, и самим общественно-политическим основам европейской жизни.

СТАРЫЙ ФЕНОМЕН В НОВЫХ ФОРМАХ

Действительно, подавляющее большинство терактов, осуществлявшихся до 90-х годов прошлого века в Европе, было в основном делом рук либо политических радикалов как ультраправых, так и левацкого толка (“Фракция Красной Армии”, “Красные бригады” и др.), либо националистов и сепаратистов (например, баскских, североирландских, корсиканских и т.д.). Несколько громких терактов, совершенных на территории Европы выходцами из стран Ближнего Востока, в том числе палестинскими “революционными” группировками (“Черный сентябрь” и др.) в 70–80-е годы, имели не религиозную (исламистскую), а скорее политическую, левонационалистическую подоп-

леку (на знамя поднимались прежде всего идеи национально-освободительной борьбы).

Исламистские группировки начинают устраивать теракты в европейских странах главным образом с середины 90-х годов. Наиболее заметными явлениями в этом контексте стали организованные во Франции “Вооруженной исламской группой” (ВИГ) взрывы в парижском метро в знак протеста против поддержки Парижем алжирского правительства. В 1994 г. эта же группировка совершила угон самолета, летевшего из Алжира в Париж, и собиралась взорвать его над Эйфелевой башней. Лишь действия французского спецназа сорвали замыслы террористов, послужившие, вероятно, моделью для организаторов терактов 11 сентября 2001 г. в США. (В этой связи стоит заметить, что многие из участников атаки на Америку жили в Европе.) Впрочем, на наш взгляд, теракты, осуществленные исламистами из “ВИГ” в 90-х годах во Франции следует рассматривать не столько в плоскости “глобального джихада”, сколько в рамках гражданской войны в Алжире.

Начиная с 2000-х годов становится очевидным, что тон в террористической идеологии и практике на территории Старого Света задают радикальные исламисты, выступающие под знаменем идеологии джихадистского толка (при этом “джихад” воспринимается ее носителями прежде всего — если не исключительно — как непримиримая война против всех, кто не разделяет воззрений экстремистов, “оттеснивших на обочину” традиционно действовавших в Европе ультраправых, ультралевых и националистических экстремистов).

Активность джихадистского терроризма в Европе в какой-то мере связана с участием ряда европейских государств в операции в Афганистане (с 2001 г.) и во вторжении возглавляемой США международной коалиции в Ирак (с 2003 г.). Можно вполне согласиться с мнением, что “конфликты, включающие западное военное вмешательство (...), выявили тенденцию к особо сильному мобилизующему эффекту для европейского джихадизма. Действительно, когда европейские джихадисты оправдывают атаки в Европе, чаще всего упоминаются военные действия европейских стран в мусульманском мире” [1]. Наиболее резонансными стали серийные теракты, осуществленные сторонниками джихадистов на транспорте в Мадриде (11 марта 2004 г.) и Лондоне (7 июля 2005 г.). В результате организованных террористами взрывов в испанской и британской столицах в общей сложности погибли более 250 человек.

Эти громкие теракты стали провозвестниками новой волны исламистского терроризма, с которой Европа столкнулась в 2010-е годы. И эта волна связана с рядом факторов, к которым следует отнести конфликт в Сирии (в частности, нашедший отражение в оттоке в зону конфликта европейских сторонников джихадистов, с одной стороны, и притоком беженцев в европейские страны — с другой). Здесь хотелось бы заметить, что участие или неучастие той или иной европейской страны в сирийском конфликте, равно как и в других конфликтах в исламском мире, не является определяющим мотивом для джихадистов, устраивающих теракты. С точки зрения таких экстремистов, “вина” европейских стран определяется уже простой принадлежностью к “порочному и злокозненному” миру “неверных”, “врагов ислама” и т.д. В известном смысле корни джихадистского терроризма в Европе носят ценностный характер: с точки зрения экстремистов, западные ценности (в самом широком их проявлении — от секуляризма до толерантности) априори являются глубоко враждебными, а потому подлежащими уничтожению. В идеологических построениях радикальных исламистов эксплуатируются темы враждебности Запада исламу и необходимости насилия под флагом “джихада” как единственно возможного ответа на исходящую от Запада “угрозу” мусульманскому миру.

Существенным фактором, определившим характер террористической активности джихадистов в странах Европы, стало также появление в качестве крупного актора группировки “Исламское государство” (ИГИЛ, запрещенная в России террористическая организация), сумевшей взять под контроль значительные территории в Сирии и Ираке, а также невиданное доселе бурное развитие социальных медиа и мессенджеров в Интернете, что позволило распространителям экстремистских идей легче рекрутировать новых сторонников.

Эта группировка, генетически связанная с “Аль-Каидой” (также запрещенная в России террористическая организация), не только “отпочковалась” от террористической сети, созданной Усамой бен Ладеном и переживавшей с середины 2000-х годов период фрагментации, но и составила ей серьезную конкуренцию на поле радикального исламизма. О полном размежевании двух экстремистских группировок можно говорить прежде всего в связи с вооруженным конфликтом в Сирии. Споры по вопросу провозглашения так называемого халифата и борьба за власть между лидерами группировок (в данном случае ИГИЛ и “Фронт ан-Нусра”, считающийся сирийским “филиалом” “Аль-Каиды”) привели уже в 2013 г. к открытому расколу между сторонниками вождя ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади и сохранившим верность “Аль-Каиде” “Фронтом ан-Нусра”. В этом конфликте “центральная Аль-Каида” во главе с Айманом аз-Завахири взяла сторону “Фронта ан-Нусра”. Раскол между исламистами был еще более усугублен после провозглашения летом 2014 г. “халифата” на контролируемых ИГИЛ территориях Ирака и Сирии во главе с Абу Бакром аль-Багдади.

Для “Аль-Каиды” появление такого актора, как ИГИЛ, сумевшего не только взять под контроль значительные территории, на которых было создано квазигосударство, привлекавшим значительное число сторонников из разных стран мира (в том числе европейских), но и организовать современную мощную пропагандистскую машину, означало серьезные имиджевые потери. Тем не менее “Аль-Каида” продемонстрировала способность к выживанию, сумела перегруппировать свои силы и по-прежнему представляет собой немалую опасность. При этом важно учитывать, что идеологически обе конфликтующие между собой группировки мало отличаются одна от другой (основным камнем преткновения стал вопрос о сроках и форме провозглашения “халифата”) (Об этом см.: [2]). Более того, нельзя исключать в обозримой перспективе преодоления существующих разногласий между двумя группировками и объединения их усилий (по крайней мере, на тактическом уровне).

Говоря о феномене ИГИЛ, следует иметь в виду, что эта группировка, столкнувшись с возрастающим военным давлением со стороны противников в зоне конфликта, адаптировала свою тактику рекрутирования сторонников к создавшимся условиям: вместо того, чтобы призывать последователей самозванного “халифата” из стран Запада ехать в Сирию или Ирак, ИГИЛ призывает их совершать террористические атаки в своих странах.

Именно ИГИЛ становится в последние годы “законодателем террористической моды” в Европе. И хотя в 2014–2017 гг. лишь в 8% случаев при

осуществлении терактов их исполнители действовали по прямым указаниям, полученным от руководства ИГ, в 66% случаев атаки были устроены террористами, которые действовали самостоятельно, но так или иначе были связаны с ИГИЛ или другими джихадистскими группировками. Согласно тем же данным, отчетливая оперативная связь с джихадистскими группировками (и в большинстве случаев с ИГИЛ) прослеживается у 42% террористов, организовавших нападения в странах ЕС и Северной Америки. При этом известно, что 63% таких экстремистов в преддверии теракта или в процессе его осуществления объявили о своей верности джихадистской группировке (опять-таки, в подавляющем большинстве случаев речь идет об “Исламском государстве”) [3].

Авторы доклада “Бойся ближнего своего: радикализация и джихадистские атаки на Западе”, подготовленного для программы по экстремизму Университета Джорджа Вашингтона и Международного центра по контртерроризму (ICCT), насчитали 51 “успешную” атаку, осуществленную с июня 2014 г. (время провозглашения группировкой ИГИЛ так называемого халифата) до июня 2017 г. Жертвами этих терактов стали 395 человек, пострадали не менее 1549 человек (данные не включают погибших исполнителей терактов). Если не считать террористические нападения, осуществленные на территории США (16 атак, повлекших гибель 76 человек — в этот период наиболее кровопролитными стали теракты в Сан-Бернардино в декабре 2015 г. и в Орландо в июне 2016 г.) и Канады (3 теракта), то остальные атаки террористов на Западе были проведены в шести европейских странах. Печальное лидерство принадлежит Франции (17 терактов, приведшие к смерти 239 человек), за ней следуют Германия (6 терактов), Великобритания (4), Бельгия (3), Дания (1) и Швеция (1). Таким образом, на территории Европы зафиксировано 63% террористических актов (32) [3]. И в данном случае речь идет о тех, которые злоумышленникам удалось осуществить — при этом “за кадром” остаются более многочисленные заговоры сторонников джихадизма, которые по тем или иным причинам оказались сорванными либо в момент попытки их осуществления, либо на более раннем этапе.

Входящим в Европейский союз странам приходится сталкиваться с целым рядом террористических угроз и насильственных актов со стороны воинствующих джихадистов. Причем угроза эта исходит как от организованных по сетевому принципу транснациональных террористических группировок (прежде всего, “Исламское государство” и “Аль-Каида”), так и от “волков-одиночек” (то есть экстремистов, действующих в одиночку или в составе маленьких автономных групп), которые вдохновляются, как правило, идеологией и ри-

торикой крупных группировок. При этом атаки могут представлять собой тщательно продуманные действия, предполагающие, например, нападения в нескольких местах практически одновременно. Так, в серии терактов, осуществленных в ноябре 2015 г. в Париже, участвовали девять боевиков, оснащенных поясами смертников, которые действовали в трех местах одновременно. Та же джихадистская ячейка, члены которой устроили атаку во французской столице, организовала серию терактов и в Брюсселе в марте 2016 г.

В то же время есть основания полагать, что ряд атак террористов-одиночек проводятся спонтанно. Во всяком случае они зачастую не предполагают ни обязательного планирования, ни серьезной технической, ни логистической, ни финансовой подготовки. Именно такими могут считаться террористические акты в Ницце (14 июля 2016 г.), Берлине (19 декабря 2016 г.), орудием для них послужили соответственно арендованный грузовик и угнанный террористом грузовик-фура с полуприцепом.

Хотя, по данным доклада ЕС о терроризме, в 2016 г. в 40% случаев террористы использовали взрывчатые вещества, относительно новым феноменом остается применение ими не взрывчатки и/или огнестрельного оружия, а самых обычных транспортных средств (иногда в комбинации с огнестрельным или холодным оружием) или обычного холодного оружия (например, 29-летний Мухайдин Мир, вооруженный хлебным ножом, напал на людей на станции метро в Восточном Лондоне в декабре 2015 г., а в апреле 2017 г. в центре Лондона, недалеко от здания парламента и правительственного квартала Уайтхолл, полиция арестовала по подозрению в намерении совершить теракт мужчину, вооруженного кухонным ножом).

В то же время эксперты по антитеррористической деятельности обращают внимание на то, что существует опасность использования террористами беспилотных летательных аппаратов (дронов). Эта техника уже применяется экстремистами в зонах конфликтов в Сирии и Ираке, и есть основания предполагать, что она может быть применена террористами и в других местах, в том числе в Европе. Достаточно красноречиво возможные последствия применения дронов иллюстрирует хаос в работе лондонского аэропорта Гэтвик в декабре 2018 г., когда из-за сообщений о появлении в его районе подозрительных беспилотников работа аэропорта была парализована более чем на сутки. Неудивительно, что в британских масс-медиа в этой связи прозвучала серьезная обеспокоенность по поводу возможности применения таких летательных аппаратов террористами.

Увы, нельзя исключать возможности попыток использования террористами-ислаamistaми и био-

логического оружия. Так, в июне 2018 г. федеральный прокурор ФРГ П. Франк предупредил граждан Германии об опасности терактов с использованием биологического оружия. Это заявление было сделано после ареста 29-летнего гражданина Туни-са, прибывшего в Германию в ноябре 2016 г. В его квартире в Кельне немецкие правоохранительные органы обнаружили, в частности, более 3 тыс. семян клещевины, почти 84 мг ядовитого вещества рицин, которое классифицируется как потенциальное биологическое боевое отравляющее вещество.

Очевидно, что террористы при выборе объектов своих атак предпочитают так называемые мягкие мишени. С одной стороны, это облегчает им задачу, с другой — отвечает их идеологической установке на то, что нападение на случайных мирных граждан является “законным”. Именно обычные граждане, порой весьма далекие от политики, как правило, и становятся жертвами террористов (хотя зафиксированы нападения и на военных, и на полицейских, и на политических и общественных деятелей). В октябре 2017 г. Еврокомиссия пришла к выводу, что муниципалитеты в европейских странах недостаточно защищены от террористических нападений (особенно это касается общественных мест, в частности торговых центров, пешеходных зон, туристических достопримечательностей, концертных залов и т.д.), и предложила местным властям рассмотреть план действий, включавший в числе прочего установку “инновационных и неброских заграждений”, открытие специальных форумов для обмена информацией и опытом между представителями региональных и местных властей, а также частных операторов торговых и спортивных центров.

Очевидным является стремление террористов нанести максимально возможный урон. В то же время, это стремление не во всех случаях злоумышленникам удастся реализовать. Многие теракты были предотвращены усилиями силовых структур, сумевших вовремя обезвредить экстремистов. Тем не менее в странах Западной и Северной Европы во второй половине 2010-х годов был совершен целый ряд резонансных терактов, повлекших человеческие жертвы. Так, в результате нападений на редакцию сатирического еженедельника *Charlie Hebdo* и на еврейский супермаркет в Париже (7–9 января 2015 г.) погибли 17 человек (и 3 террориста); жертвами серии атак в Париже в ноябре 2015 г. стали 130 человек (и 7 террористов). В серии террористических атак в Брюсселе (марта 2016 г.) погибли 32 человека; жертвами нападения террориста в Ницце (июль 2016 г.) стали 86 человек, в результате двух терактов в Лондоне в марте и июне 2017 г. погибли в общей сложности 13 человек (и 4 террориста); теракт в оживленном районе Барселоны в августе 2017 г. унес жизни 16 человек (погибли 8 террористов).

Согласно докладу ЕС о терроризме (2017 г.), на территории Евросоюза в течение 2016 г. за террористическую деятельность были арестованы 1002 человека, причем большинство этих арестов связаны с джихадистским терроризмом. Показательно, что численность арестованных по подозрению в джихадистской деятельности в ЕС растет третий год подряд (2014 — 395, 2015 — 687, 2016 — 718 человек). Еще более впечатляющими выглядят цифры, показывающие соотношение жертв всех терактов, осуществленных в Европе (142 человека), и терактов, совершенных джихадистами (135) [4].

Хотя проявления этнонационалистического и сепаратистского терроризма продолжают фиксироваться в Европе (большая часть планировавшихся, провалившихся и произведенных терактов такого вида были зафиксированы в Северной Ирландии), они не имеют такого значения, как теракты, совершенные под джихадистскими знаменами. То же самое можно сказать и о леворадикальном и анархистском терроризме. Хотя численность подобных актов (как планировавшихся, так и осуществленных) выросла в 2016 г. по сравнению с 2015 г., они фиксировались только в Италии, Греции и Испании.

СТАВКА НА МОЛОДЕЖЬ

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство действующих в Европе террористов — молодые люди. Почти треть всех арестованных в 2016 г. по подозрению в террористической деятельности (291 из 1002) — люди не старше 25 лет. Растет роль женщин и детей в среде джихадистских террористов: четверть (26%) арестованных в 2016 г. — были женщины (для сравнения в 2015 г. — 18%).

Как отмечают эксперты из *RAND Corporation* А. Рабаса и Ч. Бенард, “насильственные экстремисты — крайнее исключение среди европейских мусульман. Отсутствие интеграции и отсутствие радикализации выглядят нормой для большинства мусульман в Европе. Большое число — если не большинство мусульман в Европе — не интегрировались и не радикализировались. Для меньшинства, которое радикализировалось, траектории к экстремизму и насилию начинаются с неудовлетворенности или отчуждения. Эти чувства могут привести человека к поиску радикальных групп и последующему присоединению к ним, чтобы обрести товарищество, установить идентичность” [5, p. 4].

Кризис идентичности, чувство отчуждения части молодых мусульман служат благодатной почвой для рекрутирования представителей молодежи, имеющей иммигрантское происхождение, в тер-

рористические сети. Существование параллельных обществ, своеобразных обособленных гетто в городах Европы (самую большую печальную известность получил брюссельский район Моленбек, ставший “родиной” для многих участников терактов 2015–2016 гг. в столицах Франции и Бельгии).

В этом контексте кажется справедливым мнение О. Руа, высказанное на организованной в ноябре 2015 г. службой федеральной криминальной полиции Германии конференции о том, что радикализация некоторых молодых европейских мусульман представляет собой «молодежный бунт против общества, выраженный в исламском религиозном нарративе джихада. Это не восстание мусульманского сообщества как жертвы бедности и расизма: только молодые люди присоединяются к бунту, включая новообращенных, которые не разделяли “страданий” мусульман в Европе. Эти бунтари без причины находят в джихаде “благородный” и глобальный мотив и, как результат, становятся инструментами радикальных организаций (“Аль-Каида”, ИГИЛ), имеющих стратегическую повестку» [6].

В то же время вряд ли можно рассматривать проблему радикализации сквозь призму одного только “молодежного бунта”. С одной стороны, средний возраст исполнителей террористических актов на территории стран Европы и Северной Америки в период с июня 2014 по июнь 2017 г. оценивается исследователями примерно в 27 лет. Но при этом почти треть (27%) исполнителей — старше 30 лет [3].

Нередко исполнителями террористических атак, осуществляемых сторонниками джихадистских идей, являются граждане европейских государств, родившиеся в Европе и выросшие в семьях иммигрантов-мусульман. В большинстве случаев это представители второго или третьего поколения иммигрантов, хотя есть среди них и иммигранты в первом поколении (см., например: [7]). Особенно поражает присутствие в таких террористических группах совсем юных участников — практически тинейджеров.

Так, трое из четверых участников серии атак смертников в июле 2005 г. родились в Великобритании в семьях пакистанских иммигрантов, еще один — на Ямайке (он стал новообращенным последователем ислама). Самому старшему из них на момент совершения преступления было 30 лет, самому младшему — 18.

В Британии родился и вырос также и смертник, устроивший теракт на концерте в Манчестере (22 мая 2017 г.), 22-летний Салман Рамадан Абеди, чья семья в свое время бежала из Ливии во времена правления М. Каддафи.

Большинство участников терактов в ноябре 2015 г. в Париже имели гражданство Франции и Бельгии, двое были выходцами из Ирака. При этом, предположительно, все они принимали участие в боевых действиях в Сирии, а некоторые приехали в Европу под видом беженцев из зоны конфликта.

Гражданами европейских стран оказались и участники скоординированной серии терактов, устроенных сторонниками ИГИЛ в Бельгии (22 марта 2016 г.). Трое из них, имея марокканское происхождение, родились в Бельгии, еще один родился в Марокко, но вырос в Бельгии; и еще один родился в Швеции в сирийско-палестинской семье. Возраст террористов составлял от 24 до 29 лет.

Полученные о террористах данные позволяют заключить, что 73% участников терактов, осуществленных в странах Европы и Северной Америки (июнь 2014 г. — июнь 2017 г.), были гражданами тех государств, на территории которых они произвели нападения. Еще 14% террористов либо проживали на законных основаниях, либо прибыли на законных основаниях из соседних стран. В момент осуществления терактов 5% исполнителей были беженцами или лицами, ищущими убежище. И только 6% находились в стране в момент атаки нелегально [3].

Именно молодежь — и особенно молодежь с иммигрантским бэкграундом, живущая в неблагополучном окружении, испытывающая постоянную фрустрацию — является главной целевой аудиторией пропаганды террористов, пытающихся уловить новые души в свои сети. Углубляющееся отчуждение части иммигрантской молодежи способствует распространению исламистской идеологии.

Важную роль в радикализации потенциальных террористов играет активная онлайн-пропаганда, которой занимаются “улавливатели душ” из числа радикально настроенных исламистов, пропагандирующих необходимость участия правоверных в “джихаде”. Джихадистские группы демонстрируют отличное понимание принципов работы соцсетей, проводят хорошо организованные, скоординированные кампании в социальных медиа для прославления актов терроризма, насильственного экстремизма и для вербовки новых бойцов “джихада”. Как верно замечает исследователь из Университета Джорджа Вашингтона Х. Лесака, “Исламскому государству” удалось создать новую разновидность терроризма, которая использует инструменты маркетинга и цифровых коммуникаций, делая терроризм “популярным, востребованным и поддающимся воспроизведению” [8].

Во многом благодаря военным поражениям ИГИЛ и потерей “халифатом” контролируемых территорий в Сирии и Ираке объем пропаганды ИГ

снизились. Более того, эти неудачи на поле боя означают серьезные “репутационные” издержки для “Исламского государства” в глазах его потенциальных сторонников. Возымела некоторый эффект и деятельность спецслужб в Интернете, благодаря которой экстремисты оказались отрезанными от ряда использовавшихся ими ранее инструментов коммуникации и пропаганды.

Однако пропагандистская активность джихадистов никуда не исчезла. Более того, возникает опасность того, что агитационно-пропагандистский аппарат сторонников “Исламского государства” сможет приспособиться к создавшимся новым условиям. Помимо этого, нельзя забывать и о том, что фиксируются попытки “Аль-Каиды” и связанных с ней группировок воспользоваться ситуацией ослабления конкурентов из ИГИЛ и завоевать новые аудитории для идеологической обработки и вербовки в свои ряды.

МРАЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

Говоря о перспективах исламистского терроризма в Европе, вряд ли стоит смотреть в будущее сквозь розовые очки, уповая на разгром “Исламского государства” в Сирии и Ираке, успехи интеграции иммигрантских сообществ в европейские общества, прозорливость спецслужб европейских государств и т.д. Можно прогнозировать, что терроризм и в дальнейшем будет фактором политической жизни европейского континента, бросая мрачную тень на повседневную жизнь населяющих его людей.

Несмотря на активизацию деятельности антитеррористических служб европейских стран, а также военные поражения террористических группировок типа ИГИЛ или “Аль-Каиды”, в конфликтных зонах (прежде всего в Сирии и Ираке) опасность террористической угрозы со стороны джихадистов для Европы будет оставаться в обозримой перспективе весьма высокой.

Более того, потеря экстремистами из “Исламского государства” контролируемых ими территорий в Сирии и Ираке чревата опасностью перетекания сторонников этой группировки в Европу под видом беженцев или возвращения граждан европейских государств, уехавших когда-то воевать за “халифат”, в свои родные страны. Мало того: лишившись территориального измерения, ИГИЛ меняет тактику, стараясь избегать крупных столкновений, но делая упор на перенос атак против “мягких мишеней” в других регионах, в том числе странах Запада.

Приходится с сожалением констатировать, что в обозримой перспективе Европа еще не раз и не два столкнется с террористическими актами на-

силы, причем сохранится тенденция первенства в этом контексте именно исламистских экстремистов, выступающих под знаменами “глобального джихада”.

В связи с этим заслуживает внимания выделенные норвежским экспертом в области терроризма Т. Хеггхаммером четыре макротренда, которые будут определять возможность роста частоты террористических заговоров “джихадистов” в Европе в следующем десятилетии:

- 1) ожидаемый рост численности экономически неэффективной мусульманской молодежи;
- 2) ожидаемый рост численности джихадистских нанимателей (то есть организаторов террористических сетей и заговоров);
- 3) неослабевающий конфликт в мусульманском мире, который эхом террористических актов отзывается в Европе;
- 4) сохраняющаяся свобода действий для подпольных акторов в Интернете [1].

Численность европейских мусульман (в том числе благодаря иммиграции) растет. По некоторым оценкам, мусульманское население Северной, Западной и Южной Европы в 2010–2030 гг. может вырасти примерно на 50%, от 25 до 37 млн человек [9]. При этом, как отмечает эксперт в области терроризма Т. Хеггхаммер, есть основания ожидать, что европейские мусульмане в среднем продолжат оставаться экономически отстающими. Исследователь объясняет это тремя факторами: многие иммигранты из мусульманских стран, прибывающие в Европу, имеют плохое образование; социальная мобильность в ЕС в целом оставляет желать лучшего; существует дискриминация мусульман на рынке труда.

Испытываемое молодыми европейскими мусульманами недовольство (как политического, экономического, так и социокультурного свойства) служит и будет служить благоприятной почвой для деятельности террористических групп, рекрутирующих себе новых сторонников (см. об этом [10]).

Есть основания опасаться и того, что вербовщики-джихадисты могут использовать в своих целях представителей мигрантского сообщества, вовлекая их в террористические сети, внушая экстремистские идеи, толкая тем самым на одиночные акты насилия. Кроме того, существует опасность того, что под видом людей, ищущих убежища на территории Европы, сюда могут проникать экстремисты, имеющие опыт боевых действий на стороне террористических группировок на Ближнем Востоке (есть данные, что некоторые участники терактов 13 ноября 2015 г. в Париже прибыли в Ев-

ропу из Сирии именно таким образом). И хотя, по имеющимся данным, *лишь 18%* террористов, осуществивших теракты в странах Европы и Северной Америки в период с 2014 по 2017 гг., были до этого иностранными бойцами, воевавшими на стороне “джихадистов” на Ближнем Востоке, эти боевики участвовали в тех атаках, которые повлекли больше всего человеческих жертв [3]. Возвращение получивших боевой опыт, дополнительную идеологическую подпитку и (что немаловажно) имеющих европейские документы иностранных боевиков ИГИЛ в свои страны представляет серьезную потенциальную угрозу, поскольку они в перспективе могут стать не только исполнителями и организаторами террористических заговоров, но и сделаться пропагандистами-вдохновителями и вербовщиками местной молодежи, оказывая влияние на ее радикализацию.

Не подлежит сомнению необходимость срочных, неотложных и комплексных мер по противостоянию террористической опасности — и на уровне спецслужб, и на политическом и общественном уровнях. В связи с этим крайне важным, по нашему мнению, является объединение усилий всех стран, борющихся с терроризмом — при этом нынешнее непростое состояние отношений между Россией и ЕС не должно стать препятствием для совместного противодействия общей опасности. К сожалению, нередко создается стойкое впечатление нежелания европейских партнеров “подняться над схваткой” во имя совместных антитеррористических действий, в которых объективно заинтересованы не только Россия и Евросоюз, но и остальной мир, сталкивающийся с террористическими угрозами.

Говоря же о внутриевропейском ответе на вызовы терроризма и религиозного экстремизма, стоит особо обратить внимание на то, что здесь нужны не только решительные, но и тонкие, хирургические меры, предполагающие применение “умной силы” (“мягкая сила” в сочетании с “жесткой силой”). По справедливому замечанию Т. Хеггхаммера, “алармизм в контртерроризме дорого обходится, он может привести к перерасходам, нарушениям прав человека, подрыву верховенства закона и поляризации между группами в обществе” [1]. Действительно, эффективная антитеррористическая деятельность, помогая избавлять общество от экстремистской опасности, объективно может подрывать те принципы (свободы и права личности), на которых, как декларируется, основан Европейский союз. Таким образом, под угрозой оказывается как таковая природа и цивилизационные ценности и Евросоюза в целом, и составляющих его отдельных государств. И, на наш взгляд, не будет большой натяжкой сказать, что потенциально террористическая угроза может представлять экзистенциаль-

ный вызов для Европы — во всяком случае, для той Европы, какой она сейчас является (или какой она хочет быть): демократической, толерантной, либеральной. Какими бы масштабными и кровопролитными ни были террористические акты, организуемые джихадистскими экстремистами, они не способны победить Европу военной силой, зато они способны серьезно подорвать ее базовые ценности, имеющие идентификационное значение.

Что же касается усиления поляризации между группами населения в европейских странах, стоит заметить, что террористическая угроза, исходящая от “джихадистов”, нередко ассоциируется не только с прибывающими в Европу в последние годы беженцами и мигрантами (особенно из стран исламского мира), но и с давно живущими в европейских странах мусульманскими сообществами. В отдельных случаях террористические акты способны усиливать среди европейцев не только чувства страха и незащищенности, но и исламофобские и ксенофобские настроения. Потенциально это может сказываться на электоральных предпочтениях граждан европейских стран, которые могут голосовать (*и уже голосуют*) за партии, выступающие с антииммигрантской, а нередко и с откровенно антиисламской риторикой. В этом смысле показательными оказываются программные декларации, например партии “Альтернатива для Германии”, в которых говорится, что необходимо “принять меры против образования параллельных мусульманских миров, живущих по шариатским законам и все больше отделяющихся от немецкого общества”, и что “наша партия старается противодействовать религиозной радикализации мусульман, которая приводит к салафизму, суть коего — насилие и террор” [11].

Объективно распространение в Европе исламофобских настроений играет на руку джихадистским экстремистам, рассчитывающим на поляризацию между коренным населением европейских стран и мусульманским меньшинством, чтобы привлекать в свои ряды представителей последнего (и особую ставку делают на молодежь). Как предупреждали в 2015 г. эксперты Института исследования проблем войны, “целью ИГИЛ в Европе стало спровоцировать чрезмерную реакцию европейских правительств, которая оттолкнула бы мусульманские сообщества и радикализовала их со временем. ИГИЛ замыслило кампанию по внедрению насилия в европейские общества, чтобы запустить серию атак низкой интенсивности против немусульманского населения в Европе, что привело бы к дальнейшей поляризации европейских сообществ” [12]. Взаимное отчуждение, нарастающие чувства вражды могут вызвать к жизни и террористические проявления, имеющие четко выраженный антииммигрантскую и антиисламскую

направленность. Пока такие проявления — если не считать бойни, устроенной в Норвегии “борцом с мультикультурализмом” А. Брейвиком, — носят эпизодический характер, что, впрочем, не умаляет их опасности. Достаточно вспомнить печальный пример украинского гражданина П. Лапшина, который во время стажировки в Великобритании в 2013 г. убил пенсионера-мусульманина в Бирмингеме и устроил взрывы в трех мечетях в графстве Уэст-Мидлендс. О том, что подобные проявления могут приобрести в недалеком будущем характер тенденции, свидетельствуют, например, сообщения в июне 2018 г., где говорится, что французская полиция задержала десять человек, заподозренных в подготовке атак на мусульман (в частности, на радикально настроенных имамов, исламистов, ко-

торые вышли из тюрьмы, и на женщин в традиционной мусульманской одежде).

В этой связи представляется важным заметить: Европе вряд ли удастся полностью избавиться от террористической опасности, исходящей от джихадистских экстремистов, однако власти и общество европейских стран в силах предпринять шаги по минимизации враждебности между коренным населением и иммигрантскими меньшинствами — в том числе за счет того, что должно быть услышано и большинство. В ином случае при худшем варианте развития событий последствия для европейских стран могут принять масштаб, сопоставимый с тектоническим сдвигом, перед которым померкнет масштаб бедствий, причиненных террористами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Hegghammer T. The Future of Jihadism in Europe: A Pessimistic View. *Perspectives on Terrorism*, 2016, vol. 10, no. 6. Available at: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/566/html> (accessed 08.06.2018).
2. Яшлавский А. Э. “Аль-Каида”: старое зло в новом обличье. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 7, сс. 27–34. [Yashlavskii A. “Al-Qaeda”: staroe zlo v novom oblich'e [Al-Qaeda: Old Evil in New Appearance]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 7, pp. 27–34.] DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-27-34
3. Vidino L., Marone F., Entenmann E. *Fear Thy Neighbor: Radicalization and Jihadist Attacks in the West*. Publ. June 2017. Available at: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/radicalization_web.pdf (accessed 19.06.2018).
4. *2017 EU Terrorism Report*. Available at: <https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/tesat2017.pdf> (accessed 05.06.2018).
5. Rabasa A., Benard Ch. *Eurojihad: Patterns of Islamist Radicalization and Terrorism in Europe*. Cambridge University Press, 2015. 246 p.
6. Roy O. *What is the Driving Force behind Jihadist Terrorism? A Scientific Perspective on the Causes/Circumstances of Joining the Scene*. International Terrorism: How Can Prevention and Repression Keep Pace? ВКА Autumn Conference, 18–19 November 2015. Available at: <https://life.eui.eu/wp-content/uploads/sites/7/2015/11/OLIVIER-ROY-what-is-a-radical-islamist.pdf> (accessed 13.06.2018).
7. Lyall G. Who are the British Jihadists? Identifying Salient Biographical Factors in the Radicalisation Process. *Perspectives on Terrorism*, 2017, vol. 11, no. 3. Available at: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/609/html> (accessed 13.06.2018).
8. Lesaca J. *On Social Media, ISIS Uses Modern Cultural Images to Spread Anti-modern Values*. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/techtank/2015/09/24/on-social-media-isis-uses-modern-cultural-images-to-spread-anti-modern-values/> (accessed 11.01.2018).
9. *Pew Research Center. The Future of the Global Muslim Population*. Projections for 2010–2030. Publ. Jan. 2011. Available at: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2011/01/FutureGlobalMuslimPopulation-WebPDF-Feb10.pdf> (accessed 13.06.2018).
10. Яшлавский А. Э. Европейские мусульмане: непростые вопросы идентичности. *Международная жизнь*, 2017, № 6, сс. 173–190. [Yashlavskii A. Evropeiskie musul'mane: neprostye voprosy identichnosti [European Muslims: Complicated questions of the identity]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2017, no. 6, pp. 173–190.]
11. *Программа для Германии. Программа Альтернативы для Германии (АдГ)*. Available at: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf (accessed 13.06.2018).
12. Cafarella J., Zhou J. *ISIS's Expanding Campaign in Europe*. *Institute for the Study of War*. Publish. Sep 18, 2017. Available at: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf> (accessed 13.06.2018).

ISLAMIST TERRORISM IN EUROPE: TRENDS AND PROSPECTS
(*World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 6, pp. 93-101)

Received 15.01.2019.

Andrei E. YASHLAVSKII (dosier@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

In 2010s, Europe faced a wave of terrorist acts organized by extremists of Islamist-jihadist persuasion (one of important factors of this phenomenon is the emergence of the ISIL terrorist group in the foreground). This wave is associated with a number of factors, including the conflict in Syria. At the same time, the roots of jihadist terrorism in Europe have value-based nature. From the Islamist extremists' point of view, Western values (in their broadest manifestation, from secularism to tolerance) are a priori deeply hostile and, therefore, a subject to destruction. The ideological constructs of radical Islamists exploit the themes of hostility of the West to Islam and the need for violence under the banner of "jihad" as the only possible answer to the "threat" to the Muslim world coming from the West. An alarming sign is the recruitment by terrorists to the ranks of their supporters among representatives of European youth (primarily of immigrant origin), who are the main object of skillful propaganda from radical Islamists. There is a reason to believe that the terrorist threat from Salafi jihadists will be significant for European countries in the foreseeable future. The terrorist threat can pose an existential challenge for Europe. Terrorist attacks carried out by jihadist extremists are not able to defeat Europe in a military sense, but they can seriously undermine the basic values that are of identity significance for Europe. The super-objective of the masterminds of jihadism is to create an atmosphere of hostility and mistrust between representatives of different faiths and communities in Europe. The spread of Islamophobic attitudes in Europe plays into the hands of jihadist extremists who rely on polarization between the indigenous people of European countries and the Muslim minority, in order to attract representatives of the latter (and make a special stake on young people).

Keywords: terrorism, Europe, EU, European Union, Islam, Muslims, migration, immigrants, extremism, Jihadism, Islamism, ISIS, ISIL, IS, Daesh, Islamic State.

About author:

Andrei E. YASHLAVSKII, Candidate of Political Science, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-93-101